

Часть первая
РОЖДЕННЫЙ
ПОБЕЖДАТЬ

*Великий князь киевский
Святослав Игоревич*

— Ничего нету, великий князь. — Староста-улич, приземистый, рыжебородый, тяжелорукий, смотрел вниз, в растрескавшуюся серую землю. — Все как есть вымели.

— Кто вымел? Что ты болтаешь, мужик! — высокий юношеский голос сорвался, дав петуха. — Я, князь твой, приехал за данью! И ты дашь мне мое!

Серый в яблоках холеный красавец, боевой конь князя, почуяв настроение хозяина, пошел вперед, но был осажен железной рукой прирожденного всадника.

— Не дам, — глухо, по-прежнему не поднимая глаз, проговорил староста. — Нету ничего.

Неподалеку протяжно замычала корова.

— Вот врет! — подал голос один из дружинных. — Скотина есть, и зерно, если поискать, найдется. Дозволь, княже?

— То забирать нельзя, — пробубнил староста.

— Не серди меня, мужик! — воскликнул князь. — На моей земле я решаю, что можно, что нельзя!

Загорелая, не по-юношески жилистая рука легла на рукоять длинной, слегка изогнутой сабли, еще полгода назад принадлежавшей печенежскому хану.

Староста в первый раз поднял голову, поглядел исподлобья.

— С одного бычка две шкуры не снимешь, великий князь, — сказал он. — И по Правде, и по обычаю. Можешь меня убить, но не будет тебе дани.

— Что ж... — Пухлые губы князя тронула недобрая усмешка. — Сам напросился.

Серебристая молния вынырнула из ножен и...

...Сбитый с ног староста шлепнулся на землю, а сбивший его грудью гнедой конь, статью не уступающий княжескому, встал между князем и смердом.

— Не надо, княже! — Всадник гнедого, огромный, длинноусый, в высоком, сдвинутом на затылок шело-ме, спокойно встретил взгляд бешеных голубых глаз. — Не убивают свою корову, если чужой сдоил молоко. А вот вору десницу укоротить — это доброе дело! Так, княже?

Юный князь выдохнул. Сабля скользнула в ножны, словно змея в норку.

— Так, воевода, — нехотя вымолвил князь, смиряя гнев. И с еще большим усилием выдавил: — Благодарю, что удержал... То — по Правде...

Воевода киевский Сергей, которого когда-то звали Сергей Духаревым, видел, чего стоило юному князю обуздать свою ярость. Это чертовски трудное дело для юного воина — держать чувства в узде. Но именно это умение делает воина князем. Этому учили Святослава наставники: Свенельд, Асмунд и он, Сергей Духарев, человек, рожденный в другой эпохе, но давно уже ставший своим — в этой. Великий князь киевский Святослав Игоревич оказался отменным учеником и обещал превзойти учителей... если переменчивая судьба не оборвет жизнь князя-воителя раньше...

Сбитый с ног староста лежал в пыли, закрыв глаза, — ждал смерти.

— Чиж! — обратился воевода к отроку, который обвинил старосту во лжи. — Подними его!

Дружинник прыгнул на землю, подскочил к старосте, занес ногу, намереваясь пнуть...

— Я сказал подними, а не ударь!

Рык воеводы мгновенно изменил намерения дружинника.

Чиж ухватил старосту за руку.

— Вставай, мужик! — сказал он почти ласково. — Вставай, не убьют тебя.

Сергей огляделся. Вообще-то так себе деревенька. Дюжины две дворов: крытые соломой избы, землянки... Сотни полторы поселян... Сейчас все попрятались: за тынами, в избах, в норах... А кое-кто вообще сбежал. Ясное дело: пришел князь за данью, а дани уж нет. Страшно. Но еще страшнее — если князь последнее отберет. Как тогда зиму пережить?

Отец Святослава так и поступил однажды. С древлянами. Решил содрать три шкуры с одного бычка... И потерял собственную.

«Кто же нас опередил?» — подумал Духарев.

— Кто? — спросил он старосту.

— Не-е ведам-м... — промычал тот. — Вои пришли, взяли...

Пенек деревенский. Для здешних, южных, все воины на одно лицо. И все — берут. С них, с отцов их, с дедов-прадедов. Стригут, как овец. Но овцы на то и овцы, чтобы их стричь.

— Одеты как?

— Ну-у... — Староста глядел не в лицо воеводы: в полированное зеркало на груди. — Как вы, токо поплоче. На конях...

— Имена! Как они друг друга называли? Старшего как звали? Ну!

— Кажись... Погошем... — Староста поскреб затылок. — Или Тогошем...

— Тотошем? — раздался звонкий голос князя.

— Ага! — Староста обрадовался. — Точно, Тотошем его кликали!

— Угры!¹ — Пухлые губы киевского князя изогнулись по-волчьи. — Угры, Сергей.

— Давно?

— Как месяц в рост пошел.

Духарев прикинул: от новолуния прошло дней семь. Многовато.

Святослав выжидающе глядел на своего воеводу: что скажет?

А что сказать? С ними — большая сотня² дружинных. Хватит, чтобы перехватить угров в поле, но слишком мало, чтобы биться на угорской земле. Успеют ли они перехватить? Семь дней все-таки... Или послать за подкреплением? В любом случае надо драться. Спускать такое нельзя.

— На конях, говоришь? — сказал Духарев старосте. — А что у вас взяли, тоже на коней вьючили?

— Не-е! — мотнул кудлатой, серой от пыли головой староста. — Они повозки у нас взяли... Одну, две... — Староста зашевелил губами, считая... — Шесть повозок!

Сергей посмотрел на Святослава, князь тоже посмотрел на воеводу — и просиял. Повозки поселян — не кочевые кибитки. С повозками не разгонишься, колеса не те.

— Достанем? — беззвучно спросил князь.

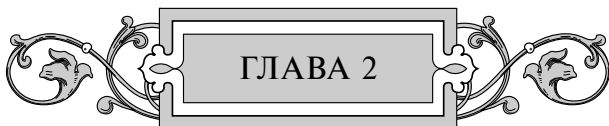
— Достанем, — кивнул воевода.

Сколько приходило угров, никто не спросил. Как догонят, так и посчитают. Тем паче мертвых угров и считать проще.

---

¹ Угры — венгры.

² От ста двадцати до ста пятидесяти человек.

Дикое Поле

Степь, степь, степь. Дикое Поле...

Мелькнула вдали стайка кочевников. Удирают. Угры или печенеги, издали толком не разберешь. Углядели пыль над дорогой (пыль в степи далеко видать), сунулись, увидели сверкающие брони да русские стяги — сыпанули прочь. Не те. У тех возы с добычей, седельные сумы полнехоньки, а у этих только стрелы в саадаках.

— Э-эх! — с сожалением вздохнул юный князь, уже приподнявшийся на стремянах и потянувшийся к луку. — Зайцы!

Он пронзительно засвистел, отзывая разъезд, погнавшийся было за степняками. Коней беречь надо.

Сергей улыбнулся, погладил толстые усы — отличительный признак воина-варяга. Молодец, князь, понимает дело.

Однако ж и киевлян в степи уважают. А прежде не так было. Когда Серегин конь первый раз вошел в ковыльное море, никто из степняков русов да варягов в грош не ставил. И вполне заслуженно. Обычная северная оборонная тактика: спешиться, встать стеной, щитами прикрыться, копьями ошестиниться в степи — верная гибель. Завертится «карусель», завизжат степняки, защелкают луки... И конец. Степная стрела дырочку всегда найдет.

Теперь — другое. Теперь и варяги научились бить с седла не хуже копченых печенегов: любой из русской дружи-

ны за полтора шагов на скаку из трех стрел две в цель положит, а чужую стрелу на свой щит примет.

Зря угры повозки взяли. Кабы верхами убегали, могли еще затеряться, а так, по шляху, ни за что не уйдут.

Дружина шла три дня. Шла вчетверо быстрее, чем нагруженные добычей угры. Молодшая дружина. Ближние гридни юного князя. Самый старший почти вдвое моложе Сергея.

«Ты, Серегей, не за данью идешь, — говорил Духареву с глазу на глаз старший киевский воевода Свенельд. — Молодых в деле проверить. За князя — головой!»

Духарев только усмехался. Можно подумать, так предан Святославу князь-воевода. Можно подумать, не сам Свенельд определил, с какой части его, Свенельдовой, еще при отце Святослава Игоре мечом взятой, земли возьмет киевский князь положенную долю.

Свенельд тоже понимал, что Духарев — понимает. И это ему, понятное дело, не нравилось. Но говорил каждый раз одно и то же. Потому что должен был сказать. Игра у них такая: Свенельд делает вид, что интересы Святослава ему дороже своих, а Духарев делает вид, что верит.

А до Свенельда Сергея княгиня страдала. У княгини тоже свой интерес. Умная баба княгиня Ольга. Умная, жесткая, все земли, что под киевским князем, — в ее маленьком кулачке, в каждом городке — ее посадник. Но была б ее воля, сидел бы безвылазно юный князь у себя в тереме, а еще лучше — в тереме самой Ольги, в Вышгороде. Княгиню тоже понять можно. Был у нее старший сын, сразу после брака рожденный. Чуть подрос — ушел княжить в Тмутаракани. Хаканом стал... Ан не сиделось ему на месте, двинул в поход: уплыл по дальнему Гирканскому морю. Там и сгинул.

Святослав — младшенький, поздний, единственный... Век бы от себя не отпускала. Но вот загвоздка: править великим княжеством Киевским Ольга предпочитает сама.

А чем дальше от стольного града Киева его князь, тем больше власти у княгини-матери. Святослав же лет эдак с двенадцати всем дает понять, кому принадлежит по Правде стол киевский.

Единственный, кто пекся о молодом князе, не имея корыстных мотивов, — это пестун его, старый Асмуд Стемидович. Стемидыч Духарева пугал-поучал по-варяжски: береги, мол, князя, не то самолично пополам разрублю. Этот может. Хоть и старый, а все равно лучший воин меж варягов. А варяги, как известно, лучшие вои из всей Руси¹. Духарев, впрочем, тоже варяг. Но Асмуда ему не одолеть. Только не придется Стемидовичу рубить воеводу Серегея. Если не вернется Святослав из похода, то и Духарев не вернется. Рядом ляжет.

Но лучше вернуться. Домой. К жене любимой (столько лет вместе, а все еще — любимой), детишкам, коим тоже без отца плохо. И так он, Сергей, больше времени в походах проводит, чем дома. Ну да это по здешним обычаям нормально. Младшие — с матерью, а при старшем, Артеме, которому уже десятый год, пестун — дед Рёрах.

Был Рёрах когда-то вождем варяжским, потом ведун-отшельником, а теперь на киевском подворье у воеводы Серегея — на правах родича. Мог бы старый варяг Рёрах и на Белозеро вернуться, там у него настоящая родня, но предпочел Киев. «Тут у вас зима теплее, а моя мертвая нога холодов боится!» Мертвая — это та, вместо которой у Рёраха деревяшка. Мог бы Рёрах и у Асмуда жить: тот очень звал; мог бы — своим домом: золота у Рёраха — два сундука. Но предпочел подворье Духарева. Может, из-за Слады, которая почитает его словно отца, а может, из-за парса Артака, кудесника-огнепоклонника, духаревского челядина, с которым Рёрах в большой дружбе.

---

¹ Напомню, что русь, а еще точнее, «княжья русь» — это пока еще не народ, а воины и сторонники киевского князя. По крайней мере, такой вывод можно сделать на основании весьма немногочисленных источников.

— Скажи-ка мне, Сергеей, отчего ты христианин? — это Святослав поравнялся с погрузившимся в думы воеводой. Поравнялся, но близко не подъехал: чтоб голову не задирать. Телосложение у князя отменное, богатырем будет, а вот ростом не очень-то высок. Может, еще подрастет...

— Был я в капище вашем, — продолжал Святослав. — Темно, душно, неживым пахнет. То ли — на Перуновом!

— Я бога не по запаху выбирал, — проворчал Сергей.

Не первый раз уж князь до его веры докапывался.

— А по чему?

Сергей мог бы сказать: по родичам. Но родичам его еще предстояло родиться, а родичи Святославовы все как есть язычники.

— Сердцем.

— А-а-а... А говорят: тебя однажды на волоховых игрищах главным выбрали.

— Кто говорит? — осведомился Духарев.

— Асмуд. А ему твой челядник рассказал, Рёрах.

«Вот болтун старый...» — сердито подумал Духарев.

— Рёрах — не челядник мне, — заявил он вслух.

— А кто?

«Сэнсэй. Учитель». Так следовало ответить. Без Рёреха Духарев, скорее всего, в первый же год своего пребывания в этом суровом мире кормил бы опарышей.

— Учил он меня.

— Пестун, что ли?

— Вроде того, — не стал вдаваться в подробности Духарев.

Для юного князя Сергей всегда был воином, причем воином славным, отмеченным и уважением старших киевских людей, и в местном фольклоре. Рассказывать о неумехе, не знавшем, как натянуть тетиву, не стоило. Все равно не поверит князь. Решит: смеется над ним воевода Сергеей.

А ведь именно тогда выбрали Духарева главным жрецом на волоховом празднике, предоставив почетное право лишить невинности юную кривичанку.

До сих пор вспоминать противно. Хотя тут у них понятия педофилии нет. Двенадцатилетних в жены берут. Вон княгиня первенца своего лет в четырнадцать родила. И неплохой муж получился: хакан тмутараканский. (Правда, потом удача от него отвернулась: погиб то ли на Кавказе, то ли под Дербентом.) Нет, у славян да варягов с этим делом еще терпимо. У степняков — хузар да печенегов — куда хуже. Машег, вон, про ихнего хакана Йосыпа рассказывал: этот урод гарем себе завел из малолеток обоего пола. Машегу Сергей верил: тот был правильный хузарин, благородный воин. А хакан у них — полное говно. Окружил себя византийскими купчиками да исламскими наемниками, возомнил себя степным императором — и просрал державу. А какая страна была: от Каспия до Черного моря.

— Что-то угры в этот год расшалились... — сказал Сергей, желая сменить тему. — Обнаглели хуже печенегов.

— Свенельд говорит: это потому, что хузары ослабли, а вместо хузар нынче — печенеги, — серьезно ответил Святослав. — А печенеги сами пограбить любят еще побольше угров.

— Так и есть, — согласился Духарев.

Хотя угры всегда были парнями лихими. Еще недавно Европа от них стонала, но несколько лет назад германский король Оттон Первый уграм крепко накостылял. И угры переключились на восточных соседей: Болгарию, Киев и, само собой, богатенькую Византию. С болгарами, впрочем, угры то дрались, то мирились и вместе щипали ромеев. С русами дело обстояло сложнее. Еще при Игоре Свенельд перехватил у угров целую кучу данников. Собственно, всех, кого стоило прибрать к рукам. Теперь задачей Киева было сохранить добытое. На другие мадьярские территории Киев не посягал. Смысла нет. Дешевле